

КАК ПУТИНУ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ

АНДРЕЙ
КУРАЕВ

ПОДНЯТЬ
РОССИЮ
С КОЛЕН!

ЗАПИСКИ ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРА

Как Путину обустроить Россию

Андрей Кураев

**Поднять Россию с колен! Записки
православного миссионера**

«Алисторус»

2014

Кураев А. В.

Поднять Россию с колен! Записки православного миссионера /
А. В. Кураев — «Алисторус», 2014 — (Как Путину обустроить
Россию)

Андрей Вячеславович Кураев – протодиакон Русской Православной Церкви; профессор Московской духовной академии; писатель и публицист, проповедник и миссионер. Творчество и деятельность Андрея Кураева вызывают различные оценки: от наград за миссионерскую деятельность до обвинений в антисемитизме, в разжигании межэтнических и межрелигиозных конфликтов. В своей новой книге Андрей Кураев выступает с острой критикой сложных и острых проблем современного мироустройства, межнациональных и межрелигиозных отношений в нашей стране. Он не боится касаться «табуированных тем» – пишет о засилье мигрантов в русских городах, о нарастании исламского экстремизма, о непростой и противоречивой роли евреев в жизни России. Кураев касается, конечно, и положения православной Церкви в наше время, поведения священнослужителей и скандалов, связанных с ними. Автор имеет собственный взгляд на причины падения духовности России и предлагает пути укрепления духовных основ нашего общества.

© Кураев А. В., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Вместо предисловия	5
Что ждет Россию?	5
Церковь и евреи	9
О «еврейском взгляде на Россию и православие»	9
О стыдящихся Отечества	12
Свой-чужой	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Андрей Вячеславович Кураев

Поднять Россию с колен! Записки православного миссионера

Вместо предисловия

Что ждет Россию?

(Из интервью А. Кураева газете «Настоящее время»)

Корр.: Апокалипсис – книга пророчеств о будущем всего человечества – хорошо известна. А как относиться к пророчествам, специально касающимся грядущих судеб не всего человечества, а именно России? Эти пророчества нередко сегодня публикуются и подписываются весьма авторитетными именами русских святых.

А. К.: Мне кажется, что ради сохранения трезвости при разговорах о пророчествах, касающихся судеб России, нам, во-первых, очень важно держать в памяти евангельские слова Спасителя: «Закон и пророки – до Иоанна Крестителя» (см.: Лк.16, 16).

И вот здесь-то и возникает вопрос: если мы видим, что какие-то проявления нынешней церковной жизни не соответствуют тому, что было в эпоху Вселенских Соборов, в эпоху великих отцов, то имеем ли мы право сказать, что, мол, просто церковная жизнь «развилась» так, что она переросла в своих духовных дарах «золотой век» Православия и стяжала дух пророчества, которого у тех святых отцов не было, или же мы должны говорить скорее о какой-то деградации?

Корр.: Но ведь дар пророчества мы видим не только в Ветхом Завете. Такое служение было и у первых христиан, в апостольских общинах...

А. К.: Дар пророчества как дар различения воли Божией и поныне есть в Церкви. Поэтому сегодня точнее говорить о прозорливости. Этот термин и заменил собой понятие «пророчества» в церковном обиходе. Прозорливость дается от Бога людям с чистым сердцем. Они как бы видят Божий Замысел о другом человеке и открывают ему, таким образом, волю Божию применительно к конкретным обстоятельствам. Это – удел старчества.

Корр.: Отец Андрей, вы упомянули о даре прозорливости применительно к отдельным людям. Можно ведь говорить о прозрении святыми судеб Божиих и относительно целого народа.

А. К.: А знаете, о судьбах народов все церковные проповедники во все времена говорили одно и то же. Начиная с пророков Ветхого Завета и кончая современными старцами все они говорят: «Братья и сестры, те испытания, которые у нас были и еще будут, та горечь, которую мы вкушаем, все это мы должны принять из рук Божиих как наказание за наши собственные мерзости». Поэтому не ищите виноватых на стороне: египтян, вавилонян, татар, поляков или масонов, но поймите, что дело прежде всего в вас самих. Один и тот же урок столетие за столетием преподносится нам вновь и вновь. Но мое собственное ощущение, что мы этот урок не усваиваем.

Корр.: Можно ли к истории России приложить ту схему, которой осмысливается история древнего Израиля на страницах Ветхого Завета?

А. К.: И да и нет. Это правда, что народ церковный является наследником как обетований, так и угроз, возведенных Древнему Израилю. Но надо помнить, что речь идет именно о народе

церковном. А этот церковный народ, во-первых, – это не вся Россия, во вторых, – это больше чем Россия. Потому мы не можем сказать, что эта библейская схема пророчествует именно о русской национальной истории. Эта схема реализуется во всей общемировой православной истории. Мы помним о наших страшных испытаниях и уроках. Но почему мы забываем о не менее трагических и смыслонаполненных испытаниях в истории румынского, сербского, греческого народов? А история православных арабов, или египтян? Сколько веков они стонут под мусульманами?

Самое печальное, что нет оснований говорить, что наша церковная жизнь стала чище и лучше, пройдя горнило гонений. Действительно, небывалые гонения обрушились на нашу Церковь в XX веке. Самое горькое и вроде бы самое действенное лекарство Господь дал нам. И что же?... «Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?» (Ис.1, 5). Какие уроки вынесла наша Церковь из XX века? Не благодарны ли мы в глубине души большевикам за то, что они загнали нас в «гетто», где теперь стало довольно-таки безопасно и уютно и где мы можем спокойно решать наши частные дела? Большевики выстроили ограду вокруг Церкви – чтобы она не влияла на подрастающие поколения строителей коммунизма. Теперь мы сами эту ограду реставрируем. В церковной среде распространено убеждение, что служение Богу – это только богослужение, что церковная жизнь тождественна жизни литургической. Нередко священник, который пробует выйти к людям за храмовую ограду, идет в школу, университет, в газеты, в больницы, начинает восприниматься как «обновленец» и «протестант».

Духовный и интеллектуальный центр православной России – Троице-Сергиева лавра с Московской духовной академией. Но есть ли при академии обычная приходская школа для детей Сергиева Посада? Была попытка создать ее при академии в начале 90-х годов. Но, просуществовав несколько месяцев, она закрылась. Причина была прозаична до отчаяния: дети, как оказалось, наносят грязь и причиняют беспорядок – уборщица попросила доплачивать ей за дополнительный труд по воскресеньям. Таких денег не нашлось. Занятия прекратили. И в семинарии так до сих пор и нет хоть сколько-нибудь значительного количества студентов из числа жителей стотысячного Сергиева Посада.

А когда слушаешь приходские проповеди и пересуды на тему «Уроки XX века», считаешь о том же материалы наших газет – становится печально. «Ничего не забыли и ничему не научились»... Вместо осмысления наших вполне реальных церковных болезней – призывы к покаянию в грехах далеких предков. Вместо поиска болезней в нас самих и в нашей истории – поиски врагов вовне.

В июне 1998 г. над Москвой пронесся ураган. В церковных кругах сразу заговорили: «Это предупреждение московским властям, чтобы закрыли порнопритоны и торговлю презервативами...». Да, для верующего взгляда это – несомненный знак гнева Божия. Но чьи грехи вызвали этот гнев? И рад бы я считать, что это – гнев Божий за пропаганду разврата, но не могу. Ведь ураган сорвал кресты с наших храмов (в том числе в Новодевичьем монастыре), а не разметал склад презервативов. Ураган оставил нетронутым казино, расположенное по соседству с храмом Рождества святого Иоанна Предтечи на Красной Пресне, где я служу, но сорвал крест с колокольни моего храма. Так что не стоит нам искать чужих грехов.

Именно мы, православные, живем так, что Богу приходится нас предостерегать такими бурями. Может, купола оказались разворочены потому, что слишком много усилий мы вкладывали в позолоту куполов и крестов вместо проповеди Евангелия? Да, крест, сияющий в небесной высоте, – это тоже проповедь, тоже напоминание о Боге. Помните у Гумилева об Исаакиевском соборе Петербурга: «Верной твердынею православья врезан Исакий в вышине...» Но есть и евангельские строки:

«Некоторые фарисеи сказали Ему:... запрети ученикам Твоим! Но Он сказал им в ответ: ... если они умолкнут, то камни возопиют» (Лк.19, 39–40). Так и было в годы государственного атеизма, в те годы, когда Конституция признавала «право на ведение атеистической пропа-

ганды и отправление религиозного культа». Право на «религиозную пропаганду» не предусматривалось. Церковь (люди) тогда молчала, но камни (храмы) и иконы проповедовали евангельскую красоту. Тогда иконы преподобного Андрея Рублева привели к вере больше людей, чем усилия любого проповедника. Но сейчас-то можно обращаться к людям напрямую. И звать людей в храм можно не голосом колокола, а человеческим словом. Не красотой каменного храма, а силой мысли и убеждения можно приводить людей ко Христу. Может, поэтому ураганом были повреждены именно колокольни? Может, это напоминание о том, что не колоколом, а живой проповедью надо созывать людей?...

Не ужаснулась в тот день церковная Москва, не встала на колени, – а с радостью облегченно вздохнула, когда о. Александр Шаргунов ей подсказал: это не на нас Бог гневается, это на «новых русских». Иконы Богородицы плачут, – а официальные церковные издания пишут: «Принять это чудо как знак милости Божией». Действительно: «Во что еще бить вас»...

Корр.: А что же именно вы думаете о завтрашнем дне России?

А. К.: Я совсем не пророк, и я могу поделиться только некоторым опытом наблюдения за жизнью страны, – опытом, который я выношу из своих многочисленных поездок. Свои наблюдения я бы резюмировал так.

Первое. Как москвичу, мне присуще чувство вины по отношению ко всей остальной России. Особенно сегодня. На фоне всеобщих руин строящаяся Москва походит на этакого «вампирика», который отовсюду сосет живые соки. Может быть, отчасти из-за этого мне раньше казалось, что из провинции придет спасение России, оттуда восстанут здоровые, глубинные народные силы, придут новые Минины и Пожарские... Поездив, я расстался с этой надеждой. У меня сложилось впечатление, что Москва – самый светлый, самый церковный город в России. Да, здесь очень много грязи, много гадости, но при этом здесь такая живая церковная жизнь, как нигде. Монастыри, церковные институты, братства, больницы, газеты, радио. Есть замечательные священники и мудрые духовники. Одна та цифра, что в Москве полтысячи приходов, означает, что у человека есть возможность выбирать себе храм и духовника, стиль духовной жизни. Москвич не имеет права жаловаться, что вот, мол, я и хотел бы узнать что-то о Православии – да негде... А в провинции я слишком часто вижу, что церковная жизнь там по-прежнему сводится к требоисправлению, а о миссионерстве и просвещении забыто. Так что и зло распространяется из Москвы, но и духовное возрождение начнется также из Москвы.

Второе. Мне не хотелось бы, чтобы люди слишком много надежд возлагали на Церковь. Не надо очаровываться Церковью (земной Церковью – ибо о Небесной Церкви те, кто видят в нас политическую силу, и не помышляют), чтобы не пришлось разочароваться. Наша Церковь сегодня очень слаба, она – инвалид и в Москве, и по всей стране. От инвалида нельзя требовать, чтобы он взял и вызвал чудо-юдо на смертный бой, и сшиб ему одним махом три головы.

В истории России были периоды, когда именно Церковь выводила народ из кризиса. Вспомним Преподобного Сергия Радонежского, вспомним священномученика Патриарха Гермогена и роль Церкви в освобождении Москвы от поляков в Смутное время. Однако не все государственно-национальные кризисы в истории России преодолевались при первенствующем участии Церкви. Например, победу в Отечественной войне 1812 года доставил героизм русских солдат и офицеров, а не проповеди отшельников, посетивших действующую армию; террористов 1905 года умиротворил Столыпин и его «галстуки», а не воззвания Синода. Я думаю, что и из нынешнего кризиса Россия, если ей суждено из него выбраться, будет выведена людьми в погонах, а не людьми в рясах.

Впрочем, я вообще не уверен, что Россия сможет выйти из сегодняшнего кризиса. Вы знаете, я бы с таким удовольствием говорил бы сегодня проповеди против бунтов, восстаний и погромов, но ведь их, к сожалению, нет. То, что я перечислил – все это выплески страшной, конечно, разрушительной энергии, но это, по крайней мере, энергия. Когда этих выплесков нет совсем, это означает одно из двух: или народ достиг такой степени совершенства и святости,

что он умеет жить по Евангелию и действительно прощать своим врагам, или это апатия трупа, которому все равно, что с ним делают. И как мне это ни печально, кажется, что верно второе. Видимо, большевики все-таки сломали Россию, перебили ей хребет, и она сегодня похожа на собаку с переломанным хребтом, которая еще поскуливает, иногда даже погавкивает, скребет лапами, но ни охранять свою будку (не говоря о доме), ни укунить вора – ничего она уже не может. Пока человек еще жив, у него остается хотя бы коленный рефлекс: бьют по чашечке – дерни ножкой и в лицо обидчику стукни туфелькой. А вот когда бьют под чашечку, а ножка-то уже не шевелится, значит, или труп, или паралитик. За последние десять лет нам били уже по всем возможным болевым точкам, особенно наши телевизионщики и пропагандисты «нового мирового порядка». Все национальные, исторические, религиозные святыни осквернили, хотя бы словесно, в потоках издевательств и карикатур. Реакции нет. Народ пропил распад СССР, теперь спокойно ожидает развала России. Поэтому, мне кажется, народ наш «скорее мертв, чем жив».

У нас умер фольклор. Ни песен, ни стихов, оплакивающих боль через колено реформируемой Родины... Ни даже анекдотов или частушек про «демократизаторов». А как жители России относятся к русским беженцам из Казахстана и Средней Азии, Прибалтики и Кавказа? Помощь и сочувствие или равнодушие и презрение встречают их в России?..

И еще одну горькую вещь я скажу. В прессе я встретил информацию о том, что в Башкирии за последние годы резко снизилось потребление алкоголя. Эта тенденция – позор для нашего народа, «крещеного, но не оглашенного». Ведь что она означает? По законам ислама употребление спиртного является грехом. И вот мы видим, что башкиры всерьез восприняли возвращение к нормам жизни своих отцов. А в России сколько мы ни открываем храмов, а потребление водки растет. И боюсь, что это означает, что весь наш пафос «второго крещения» уйдет в колокола, в свисток, а не в реальное возрождение жизни.

Корр.: Но ведь Москва – действительно Третий Рим. Она силой своей государственности защищала вселенское Православие после падения Византии, и на нее надеялись остальные православные народы. Помните, у Льюиса в «Мерзейшей мощи»: когда Мерлин пробуждается и видит, сколь тяжела ситуация, он говорит: «Воззовем к христианским королям!» Ему отвечают: «Их нет или они бессильны». «Ну, тогда воззовем к византийскому императору!» – «Императора тоже нет». И Мерлин говорит: «В страшные времена я проснулся»...

А. К.: Знаете, может быть потому их и нет, что слишком много надежд с ними связывалось. Да, империя – это ограда для Православия. Но если слишком много вкладывать сил в поддержание ограды, в ее украшение и укрепление, то можно не заметить, что в пределах самой ограды земля перестала плодоносить. Она вытоптана вся, превратилась в армейский плац, а потому стала малоплодной. И сегодня меня скорее пугают призывы восстановить православную монархию. Слишком часто интонация и мотивация этих призывов такова, что приходится вспоминать слова Ницше: «Эти люди делают вид, что они верят в Бога, а на самом деле они верят только в полицию».

Я не собираюсь отвечать за всю Церковь: я не имею на это права. Но от себя скажу: лично мне (опять подчеркну – я говорю лишь о себе, о духовных нуждах других людей пусть говорят другие) православная монархия не нужна...

Корр.: Как вы считаете, если падение православного русского царства – Третьего Рима – окончательное, есть ли это знамение близкого конца для всего человечества?

А. К.: Может быть так. А может быть это – звонок, возвещающий совершеннолетие православных христиан. Будем учиться ходить без костылей. Будем учиться быть православными не по приказу. Будем учиться защищать Православие своими словами, делами и молитвами, а не с помощью государственной власти. Это время совершеннолетия. Сдадим ли мы этот экзамен на совершеннолетие, зависит от нас.

Церковь и евреи

О «еврейском взгляде на Россию и православие»

Едва заходит речь о русско-еврейских отношениях, на одну из сторон допустимо примерять исключительно ангельски-белые ризы. Отгадайте – на какую?

Сегодня «Закон о противодействии экстремистской деятельности» устанавливает, что если некий человек, связанный с общественной или религиозной организацией, допустил высказывания, разжигающие национальную или религиозную рознь, то эта организация должна в пятидневный срок публично отречься от этих заявлений. Иначе к ней будет применен принцип именно коллективной ответственности.

Анти-антисемитские издания и центры активно поддерживали этот закон. Но отчего же тогда они сами не осаживают «отдельно-взятых» хамов и расистов еврейской национальности? А раз сами еврейские общины не отделяют себя от таких публицистов, то что же удивляться тому, что и в наших глазах они смотрятся единой колонной? А потому я считаю допустимым, основываясь на «отдельных публикациях», говорить все же именно о позиции «еврейской публицистики» и о «еврейском взгляде на Россию и православие».

Александр Нежный верно сказал, что «порядочный человек тем и отличается от шпаны, что всегда найдет в себе нравственные силы провести непреходимую грань между хамами, политическими авантюристами и палачами – и народом, которому по крови они принадлежат».

Соглашаясь с этим, я никогда не скажу, будто еврейский народ состоит из хамов, политических авантюристов и палачей. И все же в иные моменты более общие имена вполне закономерно прилагаются для обозначения более частных групп людей. На Куликовом поле русские воины не говорили: «Вон идут солдаты золотоордынского хана», но – «Вот татары идут». Об Александре Невском говорили, что он «немцев побил», хотя было бы наивным полагать, что сказавший так предполагает, будто все немцы, жившие в то время на планете, ходили с синяками под глазами. По правилам нашего языка допустимо сказать, что не бонапартисты, а французы были изгнаны Кутузовым из Москвы... Вот и в сегодняшней информационной войне при разговоре о русскоязычной прессе порой вполне уместно указать: «Евреи пишут...».

Сами-то «демократические» журналисты почему-то, категорически отрицая принцип «коллективной ответственности» в случаях, когда речь идет о недостойном поведении евреев, историю христианства описывают именно в категориях «коллективной вины».

Человеческий, а не идеологически-инквизиционный разговор на эту тему может быть продолжен лишь в том случае, если следующая статья, полемизирующая со мной, начнется с признания очевидного: да, к сожалению, действительно есть такие еврейские публицисты (причем самых разных религиозных взглядов), которые и в начале века, и в советские годы, и в годы «демократических перемен» совершенно недопустимым образом отзывались о России, ее истории и культуре, о православии и Евангелии, чем и вызвали появление антисемитских настроений... Вот после этого уже можно будет всерьез обсуждать – как же именно эти настроения гасить. Иное поведение будет проявлением двойного нравственного стандарта, то есть – попросту безнравственностью, которая исключает любой диалог.

Слишком многое станет странным, непонятым и в мировой истории, и в истории евреев, и в русской культуре, если подмечать лишь неприятные реплики в адрес евреев и не задумываться над тем, что же именно порождает эти реплики и жесты.

Еще в 30-е годы XX века и в эмиграции А. Карташев (в неопубликованном предисловии к книге В. Бурцева) заметил: «Евреи все время выдвигают свою «угнетенную невинность» и ждут от всех только сострадания и какого-то обязательного противоестественного юдофиль-

ства... Всякий волен быть англофилом или англофобом, германофилом или германофобом, славянофилом или славянофобом. Так же точно – и юдофилом и юдофобом. Право на «фильство» и «фобство» есть одна из великих свобод в международных отношениях. Водворению этой свободы мешают юдофобы невежественного и грязного цеха...».

Либеральный оппонент В. Шульгина – В. Маклаков – вспоминал: «Но и в семитическом, в еврейском лагере есть тоже категория людей, которые меня раздражают и с которыми спорить я не могу; это все те люди, которые приходят в искреннее негодование при малейшем нападке на евреев, которые видят оскорбление их национальности и в предпочтении нами своей собственной, которые засчитывают в разряд антисемита всех тех, кто не разделяет их мнения о себе, а всякого антисемита считают погромщиком... Я никогда не забуду одного интересного вечера в Петербурге, когда на квартире Винавера был ужин и собеседование выдающихся евреев и заведомых русских не антисемитов. Я помню эту нетерпимость и требовательность еврейства, чтобы мы, русские-христиане, не смели предпочитать свою культуру и себя им».

Верно: юдофобы требуют: «Ненавидь как мы, иначе и сам станешь нам ненавистен!». Но и еврейские стандарты политкорректности настаивают: «люби нас как мы любим себя, иначе будешь лишен почетного звания порядочного, просвещенного, интеллигентного, современного человека!».

К примеру, израильский писатель С. Дудаков, подвергая идеологической цензуре и порке русскую классику, занес в антисемиты Пушкина и Гоголя. На каком основании? – «Досадно отсутствие положительного образа еврея в творчестве великих писателей». Вам это ничего не напоминает? Не забыли вы еще, как основным недостатком первого варианта фадеевской «Молодой гвардии» считалось отсутствие крупных положительных образов партработников?

Видя подобного рода обвинительный беспредел, соглашаешься с голосами неполиткорректных диссидентов: «Антисемитом является не тот человек, который не любит евреев, а тот, кого сами евреи не любят. И по каким-то причинам гласно объявляют об этом». «Обвинение в антисемитизме смогло стать политической дубинкой именно потому, что смысл его сделали неуловимым – и наложили строжайшее табу на выяснение смысла».

Вот статья с устрашающим названием: «Интеллектуальные погромщики». Ее зачин: «Впору говорить о новом, крайне тревожном явлении – в Европе возрождается антисемитизм».

Что же за погромщики распоясались в Европе? – «Двое профессоров – биолог Стивен Роуз и его жена, социолог Хиллари Роуз, выступили с призывом бойкотировать израильские университеты. «Многие национальные и европейские организации, когда речь идет о выделении грантов и межуниверситетских контактах, относятся к Израюлю как к европейскому государству. По этой причине вполне своевременно ввести мораторий на любое дальнейшее сотрудничество до тех пор, пока Израиль не выполнит резолюции ООН и не начнет серьезные переговоры с палестинцами», – говорилось в письме Роузов. Под обращением подписались 123 ученых, подавляющее большинство их составляли европейцы. Родиной бойкота стала Великобритания, где критика Израйля в среде либеральных академиков и литераторов – признак хорошего тона. В апреле прошлого года она материализовалась. Словами дело не ограничилось».

Ну? Неужели профессора стали громить те комнаты общежитий, где жили студенты-евреи? Нет – погром выразился в том, что «Национальная Ассоциация учителей проголосовала за то, чтобы «все британские учреждения высшего образования пересмотрели в сторону ужесточения свои связи с Израилем». Месяцем позже Ассоциация преподавателей университетов приняла решение субсидировать бойкот израильской науки. Бойкот уже начал сказываться на научной жизни Израйля. Лишь по линии Группы академических исследований, которая субсидирует совместные проекты британских и израильских университетов, число выделенных израильтянам грантов сократилось на треть. Инициатива британских ученых уже

подхвачена их континентальными коллегами. В начале января административный совет одного из подразделений Сорбонны – Париж VI – проголосовал за бойкот израильских университетов и потребовал от Евросоюза разрыва всех научных связей с Израилем».

Итак, оценка государства Израиль как государства, не соответствующего демократическим нормам, есть антисемитизм и погром...

* * *

При поисках причин болезни полезно отстранять фантомные, иллюзорные причины.

Например, нельзя объяснять антисемитизм ксенофобией, якобы присущей русским. Русская культура открыта к влиянию со стороны самых разных сограждан, соседей и не-соседей. Уж на что непросты были татарско-русские отношения, но есть ли сегодня татарофобия? Никогда непохожесть сама по себе не воспринималась в русской традиции как повод к ненависти.

Глупо объяснять антисемитизм и тем, что большие, мол, всегда злятся на маленьких. Мол, «любая пришлая этническая группа подвергается преследованиям и притеснениям со стороны коренного населения. В Османской империи за тридцать лет до Гитлера турки осуществили «окончательное решение» армянского вопроса, когда за несколько дней по всей Турции были уничтожены все армяне». Я что-то не помню, чтобы египтяне или сирийцы устраивали погромы грекам – несомненно, пришлой этнической группе на Ближнем Востоке. А назвать армян на территории Турции «пришлыми» значит перевернуть все вверх ногами: пришлые в малой Азии как раз турки. Армяне же в Закавказье жили за многие столетия до появления турок в кругозоре западного мира...

Неумно также видеть причину антисемитизма в «интеллектуальном превосходстве евреев». Русские, например, считают немцев или англичан умнее себя – но из этого не рождается никакого антигерманизма.

И не в Евангелии находят православные христиане повод для «нетолерантных» эмоций. Прожив уже большую часть своей жизни в Церкви, я имею право засвидетельствовать: не христианское богословие порождает отчужденность от евреев. В Церкви (за исключением горстки маргиналов) нет религиозно мотивированного антисемитизма.

О стыдящихся Отечества

Вглядывание в лики современной власти (даже не столько банковской или политической, сколько журналистской) порождает недоумение: ну почему каждый раз, когда России ломают хребет – в этом событии принимают активнейшее участие и более всего им восторгаются именно евреи?

Тут стоит напомнить и о том зеркале, которое журналист Эдуард Тополь подставил уже не журналистам, а их хозяевам. Вот выдержки из его «Письма олигархам» 1998 года: «Есть российское правительство – Ельцин, Кириенко, Федоров, Степашин. Но главный кукловод имеет длинную еврейскую фамилию – Березовско-Гусинско-Смоленско-Ходорковский и так далее. То есть впервые за тысячу лет с момента поселения евреев в России мы получили реальную власть в этой стране. Я хочу спросить вас в упор: как вы собираетесь употребить ее? Что вы собираетесь делать с этой страной? Уронить ее в хаос нищеты и войн или поднять из грязи? И чувствуете ли вы свою ответственность перед нашим народом за свои действия? – Знаете, затруднился с ответом Б. Березовский, – Мы, конечно, видим что финансовая власть оказалась в еврейских руках, но с точки зрения исторической ответственности мы на это никогда не смотрели... – Но раз уж так случилось, что у нас вся финансовая власть, а правительство состоит из полуевреев Кириенко и Чубайса, вы ощущаете всю меру риска, которому вы подвергаете наш народ в случае обвала России в пропасть? Антисемитские погромы могут обратиться в новый Холокост... Россия таки ухнула в финансовую пропасть. А вы – я имею в виду и лично вас и всех остальных евреев-олигархов – так и не осознали это как еврейскую трагедию... Знаете, когда в Германии все немецкие деньги оказались в руках еврейских банкиров, думавших лишь о приумножении своих богатств и власти, там появился Гитлер. Новые же русские чернорубашечники и фашисты всходят при вас, сегодня, на тучной ниве российской беды...».

В этой статье сказаны вещи столь замолчанные и столь же очевидные, что Мстислав Ростропович счел нужным публично отреагировать: «Дорогой друг, дорогой Эдуард! Сегодня Галина дала мне прочитать «Аргументы и факты» с Вашим открытым письмом. Я расплакался, как ребенок... Я потрясен Вашей смелостью».

Кому принадлежат деньги и пресса, тот осуществляет и реальную политическую власть – как публичную, так и тайную. Как гражданину, мне было больно, что в те времена, в мае 1999 года какие-то люди вбили клин между президентом и премьером, понудив Ельцина отправить Примакова в совершенно немотивированную отставку (речь идет о премьере, который пользовался безусловным доверием российского общества)... Но, как русскому, мне вдвойне неприятно, что премьер-министра России в отставку отправили по требованию Бориса Абрамовича и еще некоего просто Абрамовича из «Сибнефти».

В многонациональных странах порой устанавливается пропорциональное распределение власти между национальными общинами (вспомним Ливан). Так имеют ли право русские испытывать обеспокоенность по поводу того, что любые здравые соотношения были попорчены, и важнейшие решения принимал не Совет Федерации, а еврейские банкиры? Можем ли мы в России требовать для себя таких же возможностей и прав, которыми обладают евреи? А без этого в 90-е годы получился странный перекося: все жители России должны были смотреть на свою жизнь, историю и будущее глазами одного меньшинства. В частности – тот, кто хотел казаться «современным», должен был научиться клеймить «патриотизм».

Вот это неумение просто «жить рядом» и порождает в самых разных обществах антисемитские настроения, порождает рано или поздно крик души (или – что хуже – толпы): да оставьте же вы нас в покое, не учите жить, не контролируйте нашу жизнь ни финансово, ни идеологически, не навязывайте нам ваше толкование нашей истории, нашей культуры и наших святынь.

* * *

Меня самого тошнит, когда я слышу трёп про то, что «во всем жида виноваты». Неумно это, бесполезно, бессовестно, да и просто неуважительно по отношению к самой России (а с точки зрения религиозной – так еще и Богохульно, ибо господином истории «жидоедский» миф вместо Владыки Христа почитает «синедрион»).

Но я не склонен поддаваться и той моде, что господствует в «демократической» журналистике – моде, призывающей к восприятию действительности по модели «все или ничего!». Из того обстоятельства, что не евреи сделали русские революции (как начала XX века, так и его конца), никак не следует, что они их не делали. Если нельзя всё (или даже главную роль) приписывать евреям, то ведь это еще не означает, что их участия вообще не было никакого...

Когда заходит разговор о причинах революции, о причинах отхода народа от Церкви – то неумно делать вид, будто вина только в народном «маловерии» или в каких-то «врагах Церкви и России». Огромная доля вины лежит на самих людях Церкви, на ее иерархах и служителях. И потому разговор об этой русской катастрофе, обходящий упоминания о наших, русских и церковных грехах, сразу лишается серьезности и становится идеологической погрешностью. Но точно также и разговор о катастрофах еврейских не должен обрываться, едва только заходит речь о причинах и поводах, спровоцировавших негативное отношение к евреям. Именно если мы хотим, чтобы «антисемитские опусы» больше не появлялись – надо «вдаваться в выяснение вопроса, что же все-таки послужило поводом» для их появления.

Да, мы готовы говорить о наших болезнях (мало ли строк в моих книгах посвящено болячкам нашей церковной жизни!). Но никто не обязан говорить всегда лишь об одном и том же. Помимо наших исторических грехов было в истории что-то еще. Были и иные подробности нашей истории... Но Нежный спешит ставить мне диагноз: «Господин дьякон скорбит о России. Как не скорбеть! Весь XX век – хождение по мукам. И что же? Они виноваты? Совратили, заманили, столкнули, обесчестили? Его боголюбие именно такого мнения. Надо обладать особым образом устроенным умом и совершенно особенной совестью, чтобы читать Бунина – и пренебречь его беспощадной правдой о бездне, в которую рухнула Россия».

Это – испытанный полемический прием. Подобный трюк Александр Нежный совершает не впервые. Однажды он уже обвинял в юдофобии И. Р. Шафаревича: он зачислил его в стан «охотников представить русскую трагедию результатом победоносного еврейского заговора». А ведь в работе И. Р. Шафаревича, которую «обличает» Александр Нежный, с полнейшей определенностью сказано: «мысль, что «революцию делали одни евреи» – бессмыслица, выдуманная, вероятно, лишь затем, чтобы ее было проще опровергать. Более того, я не вижу никаких аргументов в пользу того, что евреи вообще «сделали» революцию, т. е. были ее инициаторами, хотя бы в виде руководящего меньшинства».

В. Кожин, сопоставив эти два текста, говорил: «Признаюсь, меня глубоко удивили цитируемые фразы Александра Нежного, и я обратился к нему с вопросом, почему он до такой степени исказил смысл работы И. Р. Шафаревича. И Александр Иосифович признался, что он вообще-то не читал эту работу, а только слышал рассказ о ней от одной из своих приятельниц...».

Полемизируя со мной, А. Нежный использует тот же самый прием, что при критике Шафаревича. А может, его опять приятельницы подвели... Вы бы уж, что ли, поосторожней наушников себе выбирали, Александр-Стыдящийся-Отчества!

И это не просто личное полемическое изобретение Александра Нежного. Врать его заставляет изначальная предзаданность его позиции: ведь самое дешевое и распространенное еврейское объяснение корней антисемитизма звучит так – мол, русские говорят о негативной роли евреев потому, что хотят оправдать свои собственные беззакония, а потому лучше посо-

ветовать им копать в своем собственном дерьме, а евреев не трогать; раз эти русские посмели заговорить о евреях – значит, больше ни о чем они не говорят и ничего больше не видят, в том числе и самих себя, и своих ошибок.

Цензура нынешней «политкорректности» сейчас не мягче средневековой: при анализе проступков или преступлений христиан хорошим тоном считается сделать обобщающий негативный вывод по поводу всего вообще христианства.

В то же время не-еврейские авторы при исследовании еврейской культуры обязаны или хвалить ее или же становятся на позиции номиналистов – «не обобщать!».

Еврейские полемисты охотно и громко выставляют счет всей христианской культуре, но при этом блокируют любую попытку обсудить расистские нотки в собственно иудейской традиции.

Свой-чужой

Каждый из нас начинает свой путь не с нуля, не с чистого листа. В каждом человеке есть нечто, что он наследует, а не выбирает. Есть предрассудки, общие для больших групп людей. Это предрассудки в самом буквальном смысле. Предрассудок – это то, что мы усвоили раньше, чем начал работать наш личный рассудок, то есть с молоком матери. Это то, что передано мне моей семьей, школой, культурой в качестве стандарта поведения: «Все мужчины делают это!». Но в разных культурах довольно разные представления о том, какое именно «это» должен делать «настоящий мужчина».

Одним из таких «предрассудков» является культура противопоставления: что «наше», а что «не наше». Иногда вращение в культуру происходит не через подчеркиваемое единообразие, а через подчеркиваемое разнообразие, отличие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.